

КРЫМСКАЯ ГОЛГОФА СЯТТЕЛЯ ЛУКИ



Настоящую статью, предлагаемую вниманию неравнодушного читателя, подготовил иерей Александр НОВИКОВ, с 2009 г. — клирик храма Казанской иконы Божией Матери Ростова-на-Дону. В 2000 г. окончил историко-теоретический факультет Санкт-Петербургской консерватории, изучал историю русской церковной музыки. В 2009 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную семинарию. В настоящее время он является духовником Общества православных врачей Ростова-на-Дону и общества «Трезвение» им. свт. Иоанна Шанхайского, руководит сектором по работе с медицинскими учреждениями при Отделе по церковной благотворительности и социальному служению Ростовской-на-Дону епархии. Имеет публикации по истории церковной музыки и по вопросам здоровья.



Главным источником для составления данного текста послужил сборник архивных документов, изданных под названием «Разработку Луки продолжаем». Это отчеты уполномоченных в Крымской области, посылавшиеся в Москву к председателю Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпову и в МГБ. В предисловии к сборнику сказано, что эти документы раскрывают «кухню» (формы, методы, масштабы) слежки за архиепископом Лукой со стороны МГБ и содержат подробную информацию о результатах слежки. Традиционной концовкой отчетов и докладных записок была фраза: «Разработку Луки продолжаем в направлении его антисоветских связей и враждебной деятельности».

Многие из нас узнали о жизни святителя Луки (Войно-Ясенецкого) из его автобиографии, которой сам владыка дал название «Я полюбил страдание». Текст был продиктован уже полностью ослепшим архиепископом Лукой своему секретарю Евгении Павловне

Лейкфельд в 1958 г. в Симферополе. Биография обрывается на словах: «В мае 1946 года я был переведен на должность архиепископа Симферопольского и Крымского. Студенческая молодежь отправилась встречать меня на вокзал с цветами, но встреча не удалась, так как я прилетел на самолете. Это было 26 мая 1946 г...».



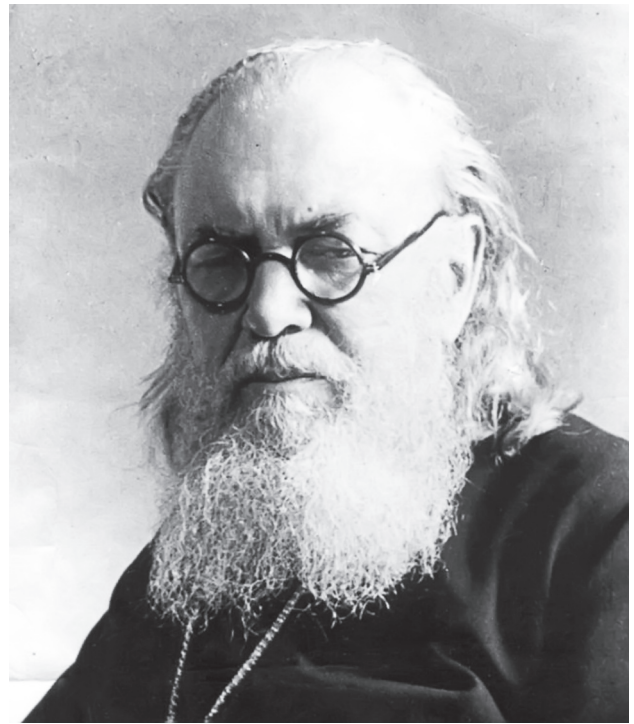
Богослужение в соборе Святой Троицы

Впереди — 15 последних лет жизни на древней Крымской кафедре. Какими они были для владыки — спокойным отдыхом под жарким солнцем после многих лет ссылок и издевательств советской власти, или новым витком страданий, которые полюбил он, будучи гоним? Итак, шел 1946 год. Послевоенный Крым встретил своего архиерея развалинами и пепелищами, неустроенностью быта, нищетой и голодом.

В отчете о работе управления Крымской епархии за год архиепископ Лука писал: «Собственного епархиального дома не имеется. Архиерейские покои и канцелярия помещаются в доме жилищного управления, бывшем монастырском подворье. Жилищные условия архиерейского дома исключительно неблагоприятные: архиерей живет в двух комнатах (спальня и столовая — она же кабинет и приемная), несмотря на произведенный ремонт помещения, комнаты архиерея — настоящий клоповник, совершенно отсутствует уборная, водопровод и ванная. Рядом с архиерейскими покоями в одном коридоре помещается посторонний жилец, а второй жилец помещается в следующем коридоре, рядом с кухней архиерея. Неоднократные и настоячивые будированья вопроса об освобождении архиерейского дома от посторонних жильцов до настоящего времени остаются безрезультатными. Соседство жильцов создает совершенно ненормальные условия жизни архиерея, так как рядом у жильца помещается еще молодая девушка, которая имеет общение с молодыми людьми, и постоянное их хождение, зачастую поздно вечером, нарушает покой и порядок архиерейского общежития. Странно то обстоятельство, что по вопросу о выселении сторонних жильцов имеются даже распоряжения Москвы из Министерства здравоохранения, не говоря уже о наличии неоднократных предписаний со стороны местного облисполкома жилищному управлению, и все жилищные условия архиерея остаются прежними...»

Квартирный вопрос архиепископа Луки не решился ни в 1946, ни в 1947 году [1]. Кроме прочего, возникли новые непредвиденные заботы. С тех пор, как Лука поселился в курортном Крыму и стал получать десять тысяч рублей архиерейского жалованья, у него отыскалась большая родня, множество людей,

которым было негде и не на что жить. Они просят поддержать их, помочь, прокормить. Но у него и в мыслях нет, чтобы отказать просящему.



Несмотря на тесноту и отсутствие элементарных удобств, владыка всячески помогал нуждающимся. Время было голодное. Но на Госпитальной улице, № 1, старались оказать помощь любому, кто обращался. Обед на архиерейской кухне готовился на 15–20 человек ежедневно: приходило много голодных детей, одиноких старых женщин, бедняков. Сам владыка, давая пример священству, ел только насущное. Одевался более чем скромно, всегда ходил в чиненных рясах с прорванными локтями. Всякий раз, как племянница Вера предлагала сшить новую одежду, она слышала в ответ: «Латай, латай, Вера, бедных много». Бедных вокруг действительно было предостаточно. Секретарь епархии вел длинные списки нуждающихся. В конце каждого месяца по этим спискам рассылали тридцать-сорок почтовых переводов. На переводы в Ленинград, Тамбов, Сибирь, Ташкент уходила изрядная доля архиерейского жалованья [2].

В делах епархиальных святитель Лука был неизменно строг: неуклонно требовал,

чтобы священники всегда носили присущую их сану одежду, наказывал священнослужителей, бреющих бороду, курящих.

Владыка писал: «Недавно мне попался истрепанный служебник Литургии одного священника, в котором все нижние углы страниц черны от грязи. О Господи! Значит, этот лишенный страха Божия священник Тело Христово брал грязными руками, с черной грязью под ногтями! Как же это не стыдно священникам не мыться, стоять перед святым престолом в калошах» [3].

Какую характеристику давали чиновники МГБ архиепископу? Кличка владыки у них была «Мракобес», окраска — «церковно-православная контрреволюция». Крымский чиновник писал об архиепископе: «По своему характеру самолюбив, высокомерен, хвастлив, всем и всюду подчеркивает, что он большой авторитет не только среди духовенства, но и среди врачебного мира, что он известен не только в Советском Союзе, но и за границей, что эта известность ему создана Советским Правительством».

Среди нападок и лжи враги не могли не признавать некоторых качеств архиепископа: «Личные потребности скромные, не терпит каких-либо приношений. Сразу же по приезде в Крымскую епархию на первом собрании благочинных объявил последним и потребовал от них объявить по всем приходам, что он не принимает никаких приношений, и чтобы по приезде его куда-либо в приход не устраивали пышных встреч, а обставлялось все просто, скромно.

Не терпит среди духовенства в той или другой степени нарушителей канонических правил, принимает к таковым меры взысканий путем понижения в сане, перемещения, увольнения за штат и даже лишения сана».

В Москву летели один за другим отчеты: «В результате агентурного наблюдения установлено, что архиепископ Лука в Крыму продолжает проводить свою политику борьбы с материализмом и особенно с атеистическим учением, для чего мобилизовал все силы православной церкви, систематически читает проповеди в церквях Крыма, в которых стремится с «научной точки зрения» объяснить верующим создание Богом вселенной мира».

О своих проповедях архиепископ в беседе с уполномоченным говорил открыто: «Хотя это вам, коммунистам, и не нравится, но ничего поделаться нельзя, вы, коммунисты, ведете антирелигиозную пропаганду, а я — религиозную...»



Апостол Павел писал к коринфянам: «Много раз [был] в опасностях ... между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдени, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе. Кроме посторонних [приключений], у меня ежедневно стечение [людей], забота о всех церквах. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся? Если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею» (Ср.: 2 Кор. 11, 26–29). Все это прошел архиепископ-исповедник.

Лжебратия и предатели были как среди священников, так и среди прихожан и церковнослужителей. В одном из отчетов писали: «Разработку Луки продолжаем вести по церковному окружению через агентов «Вологодского», «Евстафьева», «Старика» и [секретного] о[сведомителя] «Светлова». Кроме того, подготавливаем кандидатуры на вербовку из числа интеллигенции и врачей, с которыми он за последнее время

стал общаться по линии своей медицинской деятельности».



В декабре 1946 г. были завербованы шофер архиепископа и агент «Бойкая» — регент церковного хора, которая «на вербовку пошла без особых принуждений».

Агенты были и среди священников. Когда у одной из прихожанок обновилась икона, ее доставили в собор и поместили у клироса для обозрения. Агент «Соколовский», служивший священником в другой церкви Симферополя, в беседе с владыкой высказался отрицательно по поводу шума, поднятого вокруг «обновившейся» иконы, и посоветовал ему прекратить это дело. «Соколовский» же возглавил комиссию по расследованию этого факта и по окончании следствия представил архиепископу заключение о том, что «обновления» иконы не было. После обнародования выводов комиссии авторитет архиерея среди отдельных верующих оказался был подорван.

При беседе с уполномоченным владыка говорил: «Быть сейчас архиереем тяжело. Приходится нести очень тяжелый крест».

Определенные структуры власти всячески пытались разжечь рознь внутри епархии и приходов. Например, узнав о неприязни между священниками двух приходов, уполномоченный сообщил об этом сотруднику Ялтинского отделения КГБ и просил их вражду поддержать и по возможности разжечь.

Предатели и сребролюбцы просочились и в так называемую двадцатку кафедрального собора: церковный староста и назначенный им без ведома архиепископа завхоз незаконно и безотчетно израсходовали и присвоили церковные деньги в сумме 102 тысяч рублей.

Уполномоченный писал: «Мы, в интересах нашего общего дела, заинтересованы не тушить эту развернувшуюся сейчас серьезную борьбу группировок в церкви, а всемерно способствовать ее росту и показывать верующим истинное лицо церкви, и в частности кафедрального собора как ведущей церкви, возглавляемой непосредственно архиепископом Лукой».

Но не распрей и потасовок ждал от своих сослужителей владыка.

В одном из посланий архипастырь сравнивает священников с врачами: «Много ли среди вас священников, которые подобны серьезным врачам? Знаете ли вы, как много труда и внимания уделяют тяжелым больным добрые и опытные врачи? Но ведь задача врача — только исцеление телесных болезней, а наша задача неизмеримо более важна. Ведь мы поставлены Богом на великое дело врачевания душ человеческих, на избавление от мучений вечных...

Великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему; я желал бы лучше сам быть отлученным от Христа (Рим. 9, 2–3), чем видеть, как некоторые из вас отлучают от Христа, от веры в Него и любви к Нему слабых верою овец стада Христова своим корыстолюбием. Не есть ли священнослужение вообще, а в наше время в особенности, тяжелый подвиг служения народу, изнывающему и мучающемуся от глада и жажды слышания слов Господних (Ам. 8, 11)».

Жестко и открыто боролся с церковными нестроениями архиепископ Лука. И не боялся испортить своей строгостью отношения с паствой, с церковным клиром. Дух человекоугодия был ему чужд — каждый миг своей жизни он предстоял перед Господом, и его помыслы были лишь о том, как бы прославить Бога и соблюсти в чистоте Его Церковь.



Архиепископ Лука после службы в кафедральном соборе Святой Троицы в сопровождении прихожан

Несмотря на скорби, было и что-то светлое в жизни владыки. Например, на Пасхальное богослужение, возглавляемое святителем, верующих приходило все больше — в основном за счет студентов медицинского института и медицинских работников, которым архипастьрь читал лекции.

Благодаря тотальной проверке всех писем и цитирования их в отчетах мы можем почувствовать настроение девушек — будущих врачей, после посещения Пасхального богослужения:

«Мне очень понравилась церковь. Было очень много студентов из нашего института. Хор замечательный, особенно интересно было видеть нашего хирурга — лауреата Сталинской премии, который сейчас архиепископ».

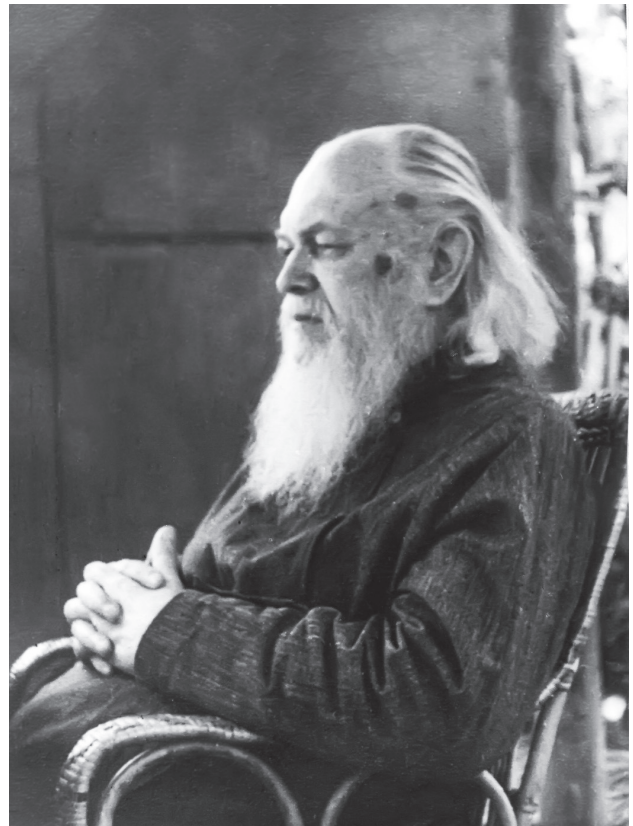
«Вчера все наши девушки ходили в церковь, было очень много народа, так что пролезть было невозможно. Служил сам архиепископ — профессор и доктор медицинских наук Лука, который до войны сидел 8 лет за религию. 13 апреля все студенты нашего общежития отмечали Пасху приготовлением лучшего блюда, красили яйца».

«Вчера в 11 часов вечера пошла в церковь, где служил наш хирург — архиерей. Было очень хорошо. Служба продолжалась до 5-ти часов утра, народу было очень много. Откуда у меня взялись силы стоять до конца — и не устала, а обычно не могла выстоять больше часу. Были там наши студенты с пасхами и яичками. Сегодня утром скушала святую просфорочку вместе со своими подругами».

«Меня агитировали в комсомол, а я на Пасху пошла в церковь и поставила свечку».

«В воскресенье встала утром и пошла в город, но, не найдя нигде утешенья, пошла в церковь. Странно, но при входе мною овладело какое-то необъяснимое состояние. Слушая службу и пение, уносишься Бог весть куда. Станным кажется, что с упреком смотрят, когда я осеняла себя крестом. Это не иначе от того, что мы слишком удалились от церкви, но ведь то, что в душе человека живет, никогда не умрет, и я сейчас себя чувствую настоящей христианкой».

После этой Пасхи руководству мединститута дали указание усилить политико-воспитательную работу среди студентов и впредь избегать пользоваться лекциями архиепископа Луки.

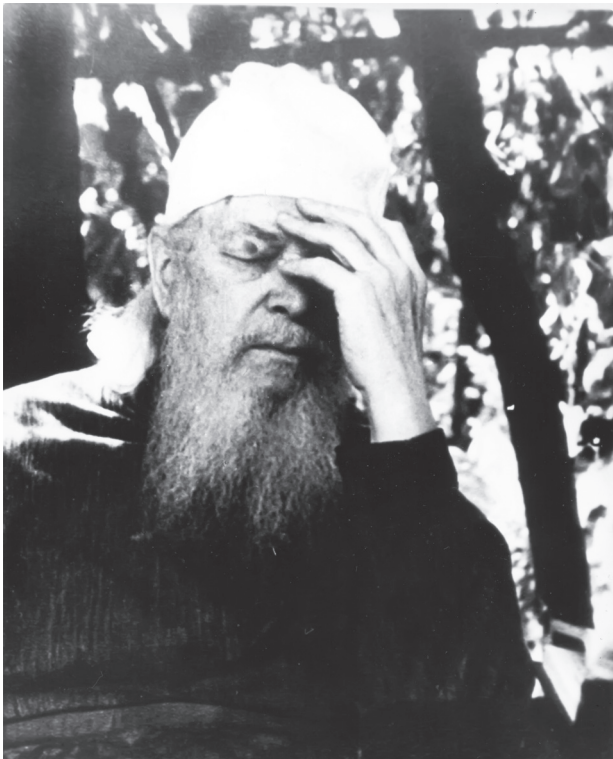


2 марта 1948 г. владыка писал своему коллеге в Москву:

«Я должен вас огорчить: хирург Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий умер, а вместо него живет архиепископ Лука. Хирургию я совсем оставил потому, что ее совершенно невозможно совмещать с моей огромной церковной работой. В соборе проповедую каждый день и уже привлек множество людей, очень много интеллигентных и образованных. Промыслом Господним собор наш, прежде пустовавший, все более и более переполняется народом почти до отказа. В этом моя «вредность». Я вызвал большое раздражение тем, что рукоположил пять преподавателей учебных заведений и двух врачей». владыка писал управляющему делами Патриархии протоиерею Колчицкому: «За 4 года закрыли 11 церквей... Сельские церкви пустуют, священники нищенствуют. Тяжело это переносить, а к этой тяжести прибавляется плач больных, которых я не могу принять. Устал, изнемогаю».

ченных от уполномоченного Совета по делам Православной Церкви, очень тяжелых для Крымской епархии:

Церкви, не имеющие отдельного священника в течение 6-ти месяцев, закрываются. (Уже закрыто три церкви.) Обслуживание церкви (на положении приписной) допускается только на 3 месяца.



Святитель Лука в последние годы жизни

А уполномоченный, получая инструкции из Москвы, старался сделать жизнь архиерея еще более невыносимой.

Владыка писал Святейшему Патриарху Алексию: «Довожу до сведения Вашего Святейшества о новых распоряжениях, полу-

Деятельность приходского священника строго ограничивается церковью, в которую он зарегистрирован. Вся деятельность в приходе запрещается, за исключением только напутствия больных по особому приглашению. Приглашенный священник не имеет права общения с верующими деревни, в которую приглашен; не смеет там крестить детей и совершать там какие-либо священнодействия. Крещение допускается только в церкви.

Это приведет к тому, что множество детей останутся некрещеными, ибо колхозники не имеют средств передвижения, и из дальних деревень детей в церковь не привозят. До сих пор большинство крещений, молебнов, панихид совершалось именно при посещении священником отдаленных деревень.

Не разрешается районирование приходов, и верующие могут приглашать для неотложных треб любого священника, а не только своего.

Запрещается совершение каких-либо священнодействий (даже освящения плодов и куличей) в ограде церкви и крестные ходы вокруг храма (за исключением лишь Св. Пасхи).

Запрещено учащимся в музыкальном училище петь в церковных хорах.

Все эти запреты неизбежно резко ухудшат материальное положение духовенства, и без того настолько тяжелое, я не имею возможности назначать священников в некоторые приходы, до крайности бедные. Налоги на духовенство увеличиваются.



Архиепископ Лука на Черноморском побережье

Обо всех этих новых запретах я узнаю случайно, от священников, ибо наш уполномоченный не сообщает мне в письменной форме».

Уполномоченный, в свою очередь, жаловался на архиерея: «Ряд церквей по области давно бы прекратили свою деятельность, если бы архиепископ Лука их не поддерживал материально за счет епархиальных средств.

Есть ряд церквей, которые, как говорят, «дышат на ладан», доходов не имеют, посещаемость их верующими очень слабая, и священники не хотят в них оставаться, требуют перевода в более обеспеченные приходы, тогда Лука выдает им дотации, освобождает эти церкви от налога на содержание епархии и патриархии, выдает ссуды на ремонт и т. д., а таких церквей по области до десятка...».

Отношения правящего архиерея Крымской епархии с уполномоченным Совета по делам РПЦ постепенно обострились.

Об этом святитель Лука рассказывал в письмах в Ленинград сыну Михаилу: «Епархиальные дела становятся все тяжелее, по местам доходит до открытых бунтов против моей архиерейской власти. Трудно мне переносить их в мои восемьдесят два с половиной года. Но, уповая на Божию помощь, продолжаю нести тяжкое бремя».

Справка уполномоченного о беседе с архиепископом Лукой от 11 января 1958 г.: «По приглашению архиепископа Луки навесил епархию. После знакомства с Лукой секретарь епархии Карвовский вышел, и мы остались наедине. Я спросил Луку о его здоровье, самочувствии».

Лука сообщил следующее: «Чувствую себя, принимая во внимание мой возраст, хорошо, на здоровье не жалуясь. Видимо, это передалось по наследству. Мой дедушка прожил больше 100 лет, бабушка 90, отец 89, мать 79 лет. Правда, я так долго не проживу. Я много перенес житейских невзгод. 11 лет скитался по тюрьмам, и это не могло не отразиться на моем здоровье, причем меня к тому же беспокоит моя слепота... На мое предложение, что Лука... мог бы писать статьи в «Журнал Московской Патриархии» и высказывать свою точку зрения через этот журнал, Лука ответил так: «Мои две статьи в свое время журнал поместил, а третью, Пасхальное слово, и четвертую статью — «Новое слово в богословии» — не напечатал, а напечатал статью митрополита Николая Крутицкого, и когда я обратился к секретарю редакции, он замялся и послал меня к Николаю Крутицкому, а тот — к Карпову, и тогда я понял, что мои статьи вредны, и решил больше не писать в журнал ничего» [3].



В связи с выходом 9 января 1960 г. Постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», где сказано: «Руководители некоторых партийных организаций не дают должного отпора идеалистической религиозной идеологии», усилилось давление на Церковь.

В марте 1960 г. Совет по делам Православной Церкви представил Священному Синоду проект церковно-приходской реформы, в котором священники фактически отстранялись от управления приходами.

Владыка Лука мучительно переживал новую волну гонений на Церковь. Приведем несколько выдержек из его писем старшему сыну Михаилу:

1960 г.: «Церковные дела мучительны. Наш уполномоченный — злой враг христианской Церкви, все больше и больше присваивает себе мои архиерейские права и вмешивается во внутрицерковные дела. Он вконец измучил меня».

Январь, 1960 г.: «Измучен нашим уполномоченным и целым рядом очень трудных епархиальных дел».

Февраль, 1960 г.: «Более двух месяцев пришлось мне воевать с исключительно дурным священником... Бунт против архиерейской власти в Джанкое, длящийся уже около года и поощряемый уполномоченным».

Март, 1960 г.: «У меня гораздо больше сокращающих жизнь переживаний, чем у тебя».

Сентябрь, 1960 г.: «Общее положение церковных дел становится невыносимым...»

Душевные муки архиепископа усугублялись телесными недомоганиями. Как-то ему по ошибке дали выпить вместо пантокарина глазные капли, чем отравили его.

Потом пришла полная слепота.

Престарелый архиепископ-хирург писал сыну: «Угасает моя хирургия. Я принял как Божию волю быть мне слепым до смерти, и принял спокойно, даже с благодарностью Богу. Слепота не помешает мне оставаться до смерти на своем посту».

Архиепископ хочет жить активно, он учится самостоятельно передвигаться и ощупью подписывает бумаги, подготовленные секретарем.

Слепота не подорвала его волю и не разрушила яркости восприятия. Епископ Лужский Михаил (Чуб), приехавший в Симферополь, чтобы познакомиться со святителем Лукой, вспоминал: «Когда я спросил, видит ли он сны, владыка ответил: О, еще какие! В цвете!»

В день Прощеного воскресения 1960 г. архиепископ Лука произнес свою последнюю проповедь. 11 июня 1961 г., в Неделю всех святых, в земле Российской просиявших, в 6 часов 45 минут утра владыки не стало [1].



Последние дни земной жизни архиепископа Луки

Тернистым был путь к святости архиепископа Крымского, но он его прошел без ропота и с достоинством великой личности, сохранив и преумножив свою веру, служа Богу и Церкви как архиерей, проповедник, врачеватель недугов душевных и телесных.

Святителю отче Луко, моли Бога о нас!

Литература

1. Лисичкин В. А. Лука, врач возлюбленный. / 2-е изд. М.: Издательство Московской Патриархии РПЦ, 2013. С. 334–335; 378.
2. Поповский М. А. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. М.: Независимое издательство «Пик», 2001 С. 404–405.
3. «Разработку Луки продолжаем...»: Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) и Крымская епархия. 1946–1961. Сборник документов / Сост. протоиерей Николай Доненко, С. Б. Филимонов. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2011 г. 528 с. (Серия «Подвижники благочестия XX века»).